

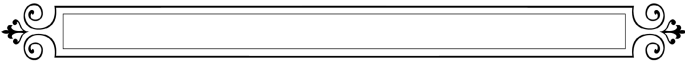
БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарность выражается редакторам антологии «Огни большого города № 4», «Интенсива первого лица», «Хастлера» и «Рогнерз мэгэзин», где первоначально публиковались некоторые главы отсюда.

Сколько хороших мужиков оказалось под мостом
из-за бабы.

Генри Чинаски

*Этот роман — художественное произведение, и ни
один персонаж не призван намеренно изображать ре-
альное лицо или сочетание реальных лиц, живых или же
мертвых.*

I

Мне уже стукнуло 50, и в постели с женщиной я не был четыре года. Друзей-женщин у меня не водилось. Я смотрел на женщин всякий раз, когда проходил мимо на улицах или еще где, но смотрел без желаний и сознавая тщетность. Дрочил я регулярно, но сама мысль завести отношения с женщиной — даже на несексуальной основе — была выше моего воображения. У меня имелась дочь 6 лет, внебрачная. Она жила с матерью, а я платил алименты. Я был женат много лет назад, когда мне исполнилось 35. Тот брак длился два с половиной года. Моя жена со мною разошлась. Влюблен я был всего один раз. Она умерла от острого алкоголизма. Умерла в 48, а мне было 38. Жена была на 12 лет моложе меня. Я полагаю, сейчас и она уже умерла, хотя не уверен. 6 лет после развода она писала мне длинные письма к каждому Рождеству. Я ни разу не ответил...

В точности не помню, когда впервые увидел Лидию Вэнс. Лет 6 назад, наверное, я только-только бросил службу на почте, где просидел двенадцать лет, и пытался стать писателем. Я был в ужасе и пил больше обычного. Пробовал писать первый роман. Каждую ночь за работой я выпивал пинту виски и две полдюжины пива. Курил дешевые сигары, пе-

чтал, пил и до зари слушал классическую музыку по радио. Я поставил себе целью десять страниц в ночь, но всегда только на следующий день узнавал, сколько написал на самом деле. Обычно я поднимался утром, блевал, потом выходил в переднюю комнату и смотрел на тахту — сколько страниц. Свою десятку я всегда превышал. Иногда там лежало 17, 18, 23, 25 страниц. Конечно, работу каждой ночи нужно было либо чистить, либо выбрасывать. На первый роман у меня ушла двадцать одна ночь.

Хозяева двора, где я тогда обитал, сами жившие на задворках, считали меня полоумным. Каждое утро, когда я просыпался, на крыльце у меня стоял большой коричневый бумажный пакет. Содержимое менялось, но обычно внутри лежали помидоры, зеленый лук, редис, апельсины, банки супа, красный лук. Довольно часто по ночам я пил с хозяевами пиво, часов до 4—5 утра. Старик отрубался, а старуха и я держались за руки, и я ее иногда целовал. В дверях всегда припечатывал ей по-настоящему. Она была ужасно морщиниста, но что ж тут поделаешь. Она была католичкой и выглядела очень славно, когда надевала розовую шляпку и воскресным утром отправлялась в церковь.

Я думаю, что познакомился с Лидией Вэнс на своем первом поэтическом чтении. Оно проходило в книжном магазине на Кенмор-авеню — в «Подъемном мосту». Опять-таки я был в ужасе. Надменен, но в ужасе. Когда я вошел, оставались только стоячие места. Перед Питером, заправлявшим лавочкой и жившим с черной девчонкой, лежала куча налички.

— Вот говно же, — сказал он мне, — если б я всегда мог так их сюда напихивать, мне б еще раз на Индию хватило.

Я вошел, и они заплодировали. В смысле поэтических чтений мне предстояло порвать себе целку.

Я читал 30 минут, потом попросил перерыв. Я еще был трезв и чувствовал, как на меня из темноты пристально смотрят глаза. Подошли поговорить несколько человек. Затем во время затишья подошла Лидия Вэнс. Я сидел за столом и пил пиво. Она возложила обе руки на край, нагнулась и посмотрела на меня. У нее были длинные каштановые волосы — приличной длины, — выдающийся нос, а один глаз не совсем сочетался с другим. Но от нее исходила жизненная сила — от такой не отмахнешься. Я чувствовал, как между нами побежали вибрации. Некоторые — замороженные и нехорошие, но все равно они были. Она посмотрела на меня, я посмотрел на нее. На Лидии Вэнс была замшевая ковбойская куртка с бахромой на вороте. Груды у нее ничего. Я сказал ей:

— Мне бы хотелось содрать с вашей куртки бахрому — с этого мы могли бы начать.

Лидия отошла. Не сработало. Никогда не знаю, что говорить дамам. Ну и корма же у нее. Я наблюдал за этой прекрасной кормой, когда Лидия отходила. Зад джинсов обнимал ее, и я следил за этой женщиной, пока она отчаливала.

Я закончил вторую половину чтений и забыл о Лидии, как забывал обо всех женщинах, которых обгонял на тротуарах. Забрал свои деньги, подписал несколько салфеток, несколько клочков бумаги, потом поехал назад, домой.

Я по-прежнему работал каждую ночь над первым романом. До 6.18 вечера я никогда писать не садился. В это время я отмечался на проходной своего крыла терминала на почтамте. А они заявили в 6 вечера: Питер с Лидией Вэнс. Я открыл дверь. Питер сказал:

— Смотри, Генри, смотри, что я тебе привез!

Лидия запрыгнула на кофейный столик. Джинсы сидели на ней еще туже. Она мотала длинными каштановыми волосами из стороны в сторону. Она была безумна; она была дивна. Впервые я задумался, не заняться ли с ней любовью. Она принялась читать стихи. Свои. Это было очень плохо. Питер пытался ее остановить:

— Нет! Нет! Никаких рифм в доме Генри Чинаски!

— Да пусть читает, Питер!

Я хотел поглядеть на ее ягодицы. Она расхаживала взад-вперед по старенькому кофейному столику. Затем пустилась в пляс. Она размахивала руками. Поэзия была ужасна, тело и безумие — отнюдь.

Лидия спрыгнула.

— Как тебе понравилось, Генри?

— Что?

— Поэзия.

— С трудом.

Лидия замерла со своими листиками стихов в руке. Питер ее облапал.

— Давай поебемся, — сказал он ей. — Кончай, давай поебемся!

Она его оттолкнула.

— Ладно, — сказал Питер. — Тогда я уезжаю.

— Ну и вали. У меня своя машина, — ответила Лидия. — Я к себе и сама доберусь.

Питер подбежал к двери, остановился и обернулся:

— Ладно, Чинаски! Ты не забывай, что я тебе привез!

Он хлопнул дверью и был таков. Лидия присела на тахту, поближе к двери. Я сел примерно в футах и посмотрел на нее. Выглядела она великолепно. Я боялся. Я протянул руку и коснулся ее длинных волос. Они были волшебны. Я отдернул руку.

— И все эти волосы в самом деле твои? — спросил я. Я знал, что так оно и есть.

— Да, — ответила она, — мои.

Я взялся рукой за ее подбородок и очень неумело попробовал повернуть ее голову к себе. Я никогда не уверен в таких случаях. Я слегка ее поцеловал.

Лидия подскочила:

— Мне надо идти. Я плачу няньке.

— Послушай, — сказал я, — останься. Заплачу я. Останься на немного.

— Нет, не могу, — ответила она. — Идти надо.

Она пошла к дверям, я следом. Открыла дверь. Потом обернулась. Я потянулся к ней еще один, последний раз. Она запрокинула голову и выделила мне крохотный поцелуй. Затем отстранилась и вложила какие-то машинописные листки мне в руку. Дверь закрылась. Я сел на тахту с бумагами в руке и стал слушать, как заводится ее машина.

Стихи были скреплены вместе, откопированы и назывались «ЕЁЁЁЁ». Я прочел несколько. Интересны, полны юмора и чувственности, но плохо на-

писаны. Авторы — сама Лидия и три ее сестры, все вместе — такие задорные, такие храбрые, такие сексуальные. Я отбросил листики и раскупорил пинту виски. Снаружи было темно. Радио играло в основном Моцарта, Брамса и Бе.

2

Через день или около того по почте пришло стихотворение от Лидии. Длинное и начиналось так:

Выходи, старый тролль,
Выходи из темной норы, старый тролль,
Выходи на солнышко с нами, и
Давай мы вплетем маргаритки тебе в волосы...

Дальше поэма рассказывала мне, как хорошо будет танцевать в полях с нимфообразными женскими существами, которые принесут мне радость и истинное знание. Я убрал письмо в комод.

На следующее утро меня разбудил стук в стеклянную панель входной двери. На часах было 10.30.

— Уходите, — сказал я.

— Это Лидия.

— Ладно. Минутку.

Я надел какие-то штаны, рубашку и открыл дверь. Потом сбегал в ванную и проблевался. Попробовал почистить зубы, но только блеванул еще раз: от сладости зубной пасты вывернуло желудок. Я вышел.

— Ты болеешь, — сказала Лидия. — Мне уйти?

— Да нет, все нормально. Я всегда так просыпаюсь.

Лидия выглядела хорошо. Сквозь шторы просачивался свет и сиял на ней. Она подбрасывала в руке апельсин. Тот вращался в солнечном свете утра.

— Я не могу остаться, — сказала она, — но хочу тебя кое о чем попросить.

— Давай.

— Я скульптор. Я хочу вылепить твою голову.

— Ладно.

— Надо будет прийти ко мне. Студии у меня нет. Придется у меня дома. Ты ведь не будешь из-за этого нервничать, правда?

— Не буду.

Я записал ее адрес и как добраться.

— Постарайся подъехать часам к одиннадцати.

После обеда дети из школы приходят, и это отвлекает.

— Буду в одиннадцать, — пообещал я.

Я сидел напротив Лидии в обеденном уголке. Между нами лежал крупный ком глины. Она принялась задавать вопросы.

— Твои родители еще живы?

— Нет.

— Тебе нравится Лос-Анджелес?

— Мой любимый город.

— Почему ты так пишешь о женщинах?

— Как — так?

— Сам знаешь.

— Нет, не знаю.

— Ну, я думаю, жалко, если человек, который пишет так хорошо, просто ни черта не знает о женщинах.

Я ничего не ответил.

— Черт возьми! Куда Лиза девала?.. — Она стала шарить по комнате. — Ох уж мне эти девчонки, вечно убегают с маминым инструментом!

Нашелся другой.

— Приспособим вот этот. Посиди спокойно теперь, расслабься, но не шевелись.

Я сидел к ней лицом. Она работала над комом глины какой-то деревянной штукой с проволочной петлей на конце. Помахала мне ею из-за кома. Я наблюдал. Глаза Лидии смотрели на меня. Большие, темно-карие. Даже ее плохой глаз — тот, что не совсем подходил к другому, — выглядел здорово. Я тоже смотрел на нее. Лидия работала. Шло время. Я был в трансе. Потом она сказала:

— Как насчет прерваться? Пива хочешь?

— Прекрасно. Да.

Когда она двинулась к холодильнику, я пошел следом. Она вытащила бутылку и захлопнула дверцу. Стоило ей повернуться, я схватил ее за талию и притянул к себе. Я прильнул к ней ртом и телом. Бутылку с пивом она держала в вытянутой руке, на отлете.

Я поцеловал Лидию. Потом поцеловал еще раз. Она оттолкнула меня.

— Ладно, — сказала она, — хватит. Работать пора.

Мы снова сели, я допивал пиво, Лидия курила сигарету, а глина лежала между нами. Звякнул дверной звонок. Лидия поднялась. Там стояла толстая тетя с неистовыми, умоляющими глазами.

— Это моя сестра, Глендолина.

— Здравьете.

Глендолина подтащила стул и заговорила. Говорить она *умела*. Она б говорила, если б даже стала

сфинксом, если б даже стала камнем, она бы говорила. Я просто не знал, когда она устанет и уйдет. Даже когда я перестал слушать, похоже было, что меня избивали крохотными шариками от пинг-понга. Глендолина не имела ни представления о времени, ни малейшего понятия о том, что, быть может, помешала нам. Она все говорила и говорила.

— Послушайте, — сказал я наконец, — когда вы уйдете?

И тут начался сестринский спектакль. Они заговорили между собой. Обе стояли, размахивая руками друг у друга перед носом. Голоса набирали пронзительности. Обе грозили друг другу физическими увечьями. Напоследок — когда уже замаячил конец света — Глендолина совершила гигантский изгиб торсом, выбросилась в дверной проем сквозь оглушительный хлопок летней двери и пропала из виду. Но мы по-прежнему слышали ее, заведенную и стенавшую, до самой ее квартиры в глубине двора.

Мы с Лидией вернулись в обеденный уголок и сели. Она взялась за инструмент. Глаза ее заглянули в мои.

3

Однажды утром, несколько дней спустя, я вошел к Лидии во двор, когда сама она появилась из переулка. Она сидела у своей подруги Тины, жившей в многоквартирном доме на углу. Выглядела она в то утро электрически, почти как в первый раз, когда пришла ко мне с апельсином.

— У-у-у-у, — сказала она, — у тебя новая рубашка!